

II.

КЪ ВЕЛЬМОЖЪ.

(Москва.)

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнешь зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣпливый попомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворець,
Гдѣ циркуль зодчаго, палишра и рѣзецъ
Ученой прихоши твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ соспязались.

Ты понялъ жизни цѣль: щасливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ;
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ поспѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣщивалъ тебя.
Съ шобой веселости онъ распочалъ избытокъ,
Ты лещь его вкусилъ, земныхъ боговъ напишокъ.
Съ Фернеемъ распросяся, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не просируя вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, въпренымъ Дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ оправы;

Ученье дѣлалось навремя пвой кумирь :
 Уединялся ты. За пвой суровый пирь
 Точпишель Промысла, по Скепшикъ, по безбожникъ,
 Садился Дидеропъ на шапкѣй свой преножникъ,
 Бросаль парикъ, глаза въ воспоргъ закрываль
 И проповѣдываль. И скромно ты внималь
 За чашей медленной аею иль деисту,
 Какъ любопышный Скиеъ Аеинскому Софисту.

Но Лондонъ зваль пвое вниманіе. Твой взоръ
 Прилѣжно разобраль сей двойшвенный соборъ :
 Здѣсь напискъ пламенный, а шамъ оппоръ суровой,
 Пружины смѣлыя гражданшвенности новой.

Скучая, можешъ бышь, надъ Темзою скупой,
 Ты думаль дакъ плышь. Услужливый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснулъ передъ побую.
 Онъ угадалъ шебя : въ плѣнишельныхъ словахъ
 Онъ спаль рассказывашъ о ножкахъ, о глазахъ,
**

О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
Гдѣ жизнь лѣнивая проходишь сладоспрасно,
Какъ пылкій, опрока воспорговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходяшь на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушають и маняшь иностранца.
И ты, впревоженный, въ Севиллу полешъ.
Благословенный край, лѣнишельный предѣль!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрюшь...
О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умъюшь
Съ любовью набожнось умильно сочешашъ,
Изъ-подъ манпильи знакъ условный подавашъ;
Скажи, какъ падаешъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ злапомъ усыплень надзоръ угрюмой пешки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещеть и кипить, окутанный плащемъ.

Все измѣнилось. Ты видѣль вихоръ бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,

Подъ гильошиною Версаль и Трианонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Фернеи умолкъ. Пріятель швой Вольшеръ,
Превращенности судьбы разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ спрансшвуешъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидерошъ,
Энциклопедіи скептической причешъ,
И колкій Бомарше, и швой безносый Каспи,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, спраспи
Забышы для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипить, бывое испребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опышовъ собирая поздній плодъ,
Они шоропяшся съ расходомъ свесшъ приходъ.
Имъ некогда шушишь, обѣдашь у Темиры,
Иль споришь о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все шопъ же пы. Спупивъ за швой порогъ ,
Я вдругъ переносущь во дни Екатерины.

Книгохранилище , кумиры, и каршины ,
И спройные сады свидѣтельствують мнѣ ,
Чшо благосклонспвуешь пы музамъ въ пишинѣ ,
Чшо ими въ праздноспи пы дышешь благородной.

Я слушаю шебя : швой разговоръ свободной

Исполненъ юноспи. Вліянье красопы

Ты живо чувспвуешь. Съ воспоргомъ цѣнишь пы

И блескъ А * * * и прелесшь * * * .

Безпечно окружась Корреджіемъ , Кановой ,

Ты , не участвую въ волненіяхъ мірскихъ ,

Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ

И видишь оборопъ во всемъ кругообразной.

Такъ , вихоръ дѣль забывъ для музъ и нѣги праздной ,

Въ шѣни порфирныхъ банъ и мраморныхъ палащъ ,

Вельможи Римскіе встрѣчали свой закащъ .

И къ нимъ издалека шо воинъ , шо орашоръ ,

То консуль молодой , шо сумрачный дикшашоръ

**Являлись день-другой роскошно опдохнуть ,
Вздохнушь о пристани и вновь пушишься въ путь.**